

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Гей К.П.

Рассмотрен процесс управленческого прогнозирования частной жизни в общественном развитии, который представляет собой один из этапов стадии планирования при определяющей роли плана как ведущего звена управления.

УДК 316

Ключевые слова: прогноз, план, прогнозирование, частная жизнь, система управления.

Прогнозирование управленческих решений наиболее тесно связано с планированием. План и прогноз представляют собой взаимодополняющие друг друга стадии планирования при определяющей роли плана как ведущего звена управления. Прогноз в системе управления является предплановой разработкой многовариантных моделей развития объекта управления. Сроки, объемы работ, числовые характеристики объекта и другие показатели в прогнозе носят вероятностный характер и обязательно предусматривают возможность внесения корректировок. В отличие от прогноза план содержит однозначно определенные сроки осуществления события и характеристики планируемого объекта. Для плановых разработок используется наиболее рациональный прогнозный вариант.

Декларирование какого-либо права (в том числе и права гражданина на неприкосновенность частной жизни) еще не решает проблемы применения указанной нормы на практике, наличие правовых норм, закрепляющих возможность человека беспрепятственно пользоваться конституционными правами и свободами, вовсе не означает, что каждому автоматически гарантируется их реализация или охрана и защита. Право на частную жизнь часто вступает в конфликт с другими правами человека, поэтому нельзя говорить о его абсолютном приоритете во всех ситуациях. В технологиях управления для частной жизни прогнозирование не сводится к попыткам предугадать будущее. Оно может быть эффективно использовано для выбора наиболее вероятного или наиболее желательного, оптимального варианта развития событий при обосновании управленческих целей, планов, программ, проектов. Однако управление рассматривается исключительно в контексте его соотношения с прогнозированием, которое первично, то есть предшествует принятию решения. С помощью различных вариантов того или иного прогноза решается проблема выбора наиболее оптимального или предпочтительного сценария, по которому будет осуществляться развитие объекта прогнозирования.

Эффективное использование информации в прогнозировании и управлении социальными процессами возможно при условии ее полноты, однородности, оперативности, достоверности, сопоставимости и проверяемости. Нами определены принципы прогностического социологического изучения управляемости. К ним отнесены:

- принцип признания ограниченности субъекта частной жизни состоит в том, что отдельно взятый субъект вне зависимости от своего социального статуса не может изменить общество, хотя обязательно участвует в его изменении;
- принцип интересубъективности, устанавливающий, что роль социальной среды в формировании субъекта значительна, оказывает воздействие через понимание смысла действий других субъектов;
- принцип равенства субъектов, по которому граница между доминирующими/подчиненными, управляющими/управляемыми субъектами условна и подвижна;
- принцип эмерджентности, по которому действия многих субъектов одновременно порождают кумулятивный эффект, последствия которого сложно предсказуемы как для отдельного субъекта управления, так и для остальных субъектов;
- принцип институционализации для выделения механизмов, которые распределяют контроль в обществе и создают систему контроля над собой и другими.

Данные принципы могут быть положены в основу создания социологической концепции управляемости для формирования комплексной программы развития общества. Социальное

управление имеет прогнозное обоснование, то есть основывается на результатах научных прогнозов тенденций развития объектов управления. Практическое значение прогнозирования сводится к возможности с помощью прогноза повысить эффективность принимаемых решений, а, следовательно, и эффективность деятельности.

Несмотря на то, что Российское государство в Конституции закрепило приоритет прав человека, заметно расширило спектр свобод личности, еще много надлежит сделать как в сфере правотворчества так и в сфере правоприменения для того, чтобы можно было говорить о Российской Федерации как о правовом государстве. История многих стран подтверждает, что именно тоталитарный режим правления формально провозглашает свободу человека как высшую ценность, наиболее детально старается отразить ее в своих основных правовых документах. С помощью подобных деклараций власть создает идеологический занавес, позволяющий скрывать свою несостоятельность.

Расхождение с реальной действительностью заключается в том, что подзаконный нормативный материал принимается зачастую, исходя из политической целесообразности и, как правило, противоречит Конституции и закону. К тому же по юридической силе признается правоприменителем выше, чем указанные документы. Советский период развития показывает, что в это время происходит только догматическое толкование права как свода нормативного материала, все остальные теории объявляются враждебными.

Проблема обеспечения прав человека, установления четкого механизма их реализации находила свое отражение в трудах многих ученых-юристов. Была выработана такая категория, как гарантии прав человека. Подходы к ее пониманию разнообразны: от полного отрицания подобного элемента в праве до детального изучения, определения структуры, классификации, обоснования как необходимого признака любой правовой нормы.

Уже вовлекая права человека в юридическое пространство, государство гарантирует этим реальность моральных принципов: «Права человека – это субъективные права, выражающие не потенциальные, а реальные возможности индивида, закреплённые в конституциях, международно-правовых актах и законах» [1]. После этого как раз и можно говорить о гарантировании прав и свобод человека и гражданина, закреплённых в нормативных актах, в том смысле, в котором оно понимается в классической теории. Следует отметить, что такой особый подход характерен лишь для анализа прав человека.

Соответственно видится следующее обобщающее определение гарантий права на неприкосновенность частной жизни – это юридически значимый механизм обеспечения рассматриваемого права, неукоснительно реализуемый на основе конституционного закрепления как на законодательном, так и на правоприменительном уровне.

На сегодняшний момент сложилась традиционная классификация гарантий. Они подразделяются на общие и специальные. К общим относят политические (режим демократии, гласности в стране, стабильность гражданского общества, политическая свобода населения, разделение властей), экономические (определённый уровень благосостояния в обществе, сложившиеся производственные отношения, свобода предпринимательства и использования собственного труда), идеологические (мировоззрение личности и общества на понимание добра и зла, уровень культуры, воспитания, совокупность представлений на то или иное общественнозначимое явление). Хотя в науке больше предпочтения отдается изучению юридических гарантий, следует отметить, что и общие гарантии должны учитываться при исследовании прав человека как имеющие огромное влияние на законодательство и его практику применения в целом.

Наличие общих гарантий, а также взаимное влияние друг на друга прав и общих гарантий их реализации позволяют говорить о детерминированности прав экономическими и культурными условиями жизни общества. Данный подход может привести к тому, что следует признать отрицание некоторых прав в силу их, например, экономической необусловленности. Любая детерминированность может означать, что есть права немецкие, а есть российские. Есть законность и правопорядок белой расы, а есть – чёрной. И так далее.

Специальные гарантии – это юридические способы и средства, обеспечивающие конкретные условия и порядок реализации правовой нормы, поэтому в теории права их и называют «собственно гарантии реализации».

Специальных гарантий выделяется много, но все они объединены одной целью: созданием юридического механизма реализации права на неприкосновенность частной жизни. «Совершенствование процедур защиты прав и свобод индивида – важнейшая и

неотложная задача Российского государства. Размытость, неопределенность, противоречивость, а то и полное отсутствие юридических правил, обеспечивающих защиту прав граждан, – свидетельство тяжелой правовой ситуации, сложившейся в обществе. Юридические механизмы, действовавшие в бывшем Советском Союзе, разрушены, новые еще не сформированы, а те, которые действуют, крайне несовершенны. В таких условиях права человека и гражданина, сформулированные в Конституции РФ, не имеют процессуально-правовой опоры. А это грозит, как и в прежние времена, превратить эти права в чистую декларацию, оторванную от реалий» [2].

Для устранения подобных противоречий необходимо достаточное количество нормативного материала высокого качества, отвечающего требованиям правового и демократического государства. В данном случае справедлива проблема, поставленная Н.А. Шайкеновым: «Почему нарушения прав человека, если они имеются, всегда носят массовый характер? Потому что нарушения эти возможны не только и не столько на стадии правовой реализации интересов, хотя и они не исключены, а уже на этапе правотворчества. Вот почему эти вопросы прямо связаны с правопониманием, с борьбой против «неправового законодательства», не столько против правоприменительного, сколько против законодательного произвола» [3].

Таким образом, на наш взгляд, законодательство Российской Федерации в этой сфере должно содержать установление ответственности за нарушение права на неприкосновенность частной жизни, судебной контроль деятельности государственных органов, в том числе право на судебное обжалование действий и решений, нарушающих данное право и право на конституционное обжалование как гарантию от законодательного произвола, а также соблюдение тайны частной жизни, ставшей известной при взаимодействии личности с публичными органами, организациями, предприятиями, учреждениями по поводу реализации принадлежащих ему прав.

Примечания:

1. Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 184.
2. Черниченко С.В. Перспективы развития международных стандартов в области обеспечения права на неприкосновенность частной жизни // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни: Сборник научных трудов. Часть 1. Н. Новгород, 1999. С. 79.
3. Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1997. №5.

Сведения об авторе:

Гей Константин Петрович,
старший преподаватель Эссентукского
института управления, бизнеса и права
(г. Эссентуки).

E-mail: vngprof@bk.ru

PRIVATE LIFE MANAGEMENT PROGNOSIS IN SOCIAL DEVELOPMENT

GEY K.P.

The article considers private life management prognosis in social development, which is one of the planning stages at role plan as a leading mechanism of management.

Keywords: prognosis, plan, prognostication, private life, management system.

UDC 316